

Вероника Лесневская

**ДВА ЧУДА
ДЛЯ ПАПЫ МОРОЗА**

Романтическая комедия

УДК 82-3
ББК 84-4
Л50

Л50 **Лесневская В.**
Два чуда для Папы Мороза: Романтическая комедия / Вероника Лесневская –
М.: Литнет, 2025. – 214 с.

ISBN 978-5-521-92990-0

- Мороз? – как по команде, мальчики поворачивают ко мне головы.
- Никита Морозов, - уточняю.
Я, заядлый холостяк, понятия не имею, как вести себя с детьми. Ситуация на грани фола.
- Думаеш, он плавда Дед Мо'гоз? – младший толкает брата.
- Не похож, - с подозрением тянет второй. - Ни бороды, ни седины, - размышляет. - И молодой. Как... папа.
- О-о-о, Папа Мо'гоз? – радостно хлопает в ладоши первый. – Помогите нам найти маму?..
Этого мне еще не хватало в канун Нового года!

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-92990-0

© Литнет, 2025
© В. Лесневская, 2025

Оглавление

Пролог	5
Чудо первое	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	45
Глава 8	54
Глава 9	62
Чудо второе	66
Глава 10	66
Глава 11	72
Глава 12	79
Глава 13	85
Глава 14	88
Глава 15	92
Глава 16	96
Глава 17	103
Глава 18	111
Глава 19	118
Глава 20	127
Глава 21	131
Глава 22	139
Глава 23	145
Чудо третье	152
Глава 24	152
Глава 25	158
Глава 26	163
Глава 27	170
Глава 28	177
Глава 29	182

Глава 30	185
Глава 31	189
Глава 32	198
Чудо финальное	205

Пролог

– Ма-ама! Мамочка! – возвращают меня в реальность звонкие детские голоса.

Двое мальчиков подбегают к моей койке, обхватывают меня маленькими ручками, чмокают по очереди в щеку.

– Мы нашли тебя! – визжит один.

– Нахли! – коверкает второй.

Пытаюсь вспомнить, что со мной произошло. Но в голове белый шум.

Никаких картинок! Абсолютно. Словно меня не существует.

Я даже не знаю, как меня зовут. Паника захлестывает разум.

– Так хотели Новый год вместе встретить. Но не успели до полуночи к тебе! – жалуется первый. – Зато все-таки нашли! Успеем подарки под елкой забрать?

Мальчики смотрят на меня обеспокоенно. Киваю импульсивно. А сама вглядываюсь в их лица. И в сердце разливается тепло. Родственное.

Мои. Мои мальчики.

– Коля, Митя, – сами слетают с уст их имена. Хоть что-то! Едва не плача, обнимаю детей в ответ.

Недоуменно хлопаю ресницами, когда замечаю мужчину в дверях. Стоит истуканом, внимательно изучает меня.

Каждую черточку. Каждую эмоцию. Каждую реакцию.

Чуть прищуривается, лаская взглядом. Добрым, нежным, словно я родная ему.

Наверное, я должна почувствовать, кто это?

– А это наш Папа Мороз! – радостно объявляют дети.

Мы с мужчиной вздрагиваем одновременно. Пересекаемся взглядами.

– Папа?.. Вы... мой муж? – спрашиваю испуганно, и он заметно напрягается. – Простите, я вас совсем не помню...

Чудо первое

Глава 1

Никита

– Так, граждане дети, полное ФИО, возраст? – доносится из кабинета строгий голос Кузнецова.

– Мама не разрешает разговаривать с незнакомцами, – парирует смелый детский голосок.

– Да, не лазлехает, – сильно картавит второй.

Хмыкаю задумчиво. Оттряхиваю куртку от снега и наваливаюсь спиной на дверь, плотно захлопывая за собой. Поспешно скидываю верхнюю одежду. Борюсь с неустойчивой вешалкой. Цепляю одну из рамок на стене – и в последний момент ловлю ее на лету.

– Так, отставить пререкаться! – чеканит Толик. – Капитан Кузнецов. Будем знакомы. А теперь к делу. Фамилия!

Сколько раз говорил Толянну бросить эти «ментовские» замашки. Мы почти год уже в полиции не работаем. В нашем нынешнем деле с людьми нужно общаться аккуратно, доверительно. Тем более в канун Нового года! У клиентов и так случилось что-то в праздник, а на них тут гавкают, как на допросе.

Хотелось бы пригрозить напарнику лишением премии, но... Канун Нового года, мать его!

Терпеть не могу.

Холод и гололед. Суета. Очереди в магазинах. Толпы на улицах. Пробки... В этот день отвратительно все.

– Не скажем, – сопротивляются мальчики.

– Да почему? – бьет ладонью по столу Кузнецов. – Познакомились же!

Кто же так с детьми общается? И где их родители?

Смахиваю пыль с рамки, креплю ее на стену.

Наше детективное агентство «Узы» как раз специализируется на решении семейных проблем. Но за помощью к нам обычно обращаются, конечно же, взрослые.

– Мы вам не доверяем, – вещает «главарь» этой детской банды. – Какой же вы капитан? Где тогда ваш корабль? Врете. Вот и мы

ничего вам не скажем. Да, Митька? – подзуживает, судя по всему, младшего брата.

– Да, Колька, – отзывается тот. – И моля у нас нет!

– Какой моли? – не понимает Толян.

– Моря, – переводит ему старший

– Та бл... кх-кх, – прокашливает ругательство напарник.

Я тороплюсь прекратить этот фарс – и осадить грубияна Кузнецова. Но у входа в кабинет едва не сбиваю елку. Откуда эта хрень зеленая у нас?

– Какого... – выпаливаю на эмоциях, тоже забыв, что нельзя при детях, но вовремя осекаюсь.

Впрочем, ни они, ни Толян меня не слышат – заняты «допросом». И не видят. Кузнецов сидит спиной ко мне и детям перекрывает весь обзор.

– Осторожнее, Никита, – раздается шепот сбоку, и от неожиданности чуть инфаркт не получаю. – Я игрушки стеклянные из дома принесла. Советские еще. Побьешь – жалко будет. Память!

Поворачиваюсь и смотрю на приятную женщину за шестьдесят, с мягкими, добрыми чертами лица. Она, как и мы с капитаном Кузнецовым, раньше работала в полиции. Правда, простой уборщицей. Пока ее не выперли на пенсию. В тот момент мы с Толяном как раз увольняться хотели. Потому что продумывали бизнес-план по открытию собственного детективного агентства. И решили, что помощница по хозяйству нам здесь не помешает.

– Марья Тимофеевна, ну, к чему это? – поморщившись, указываю на новогоднюю елку, которая покосилась немного после «встречи» со мной. – Впереди длинные выходные, никого в офисе не будет.

– Ты будешь, – подзывает и, когда я наклоняюсь, заботливо снег мокрый с моей головы смахивает. – Будто я тебя не знаю! Что в полиции на износ работал, что здесь из кабинета не вылезаешь. Прибегать будешь. Вот как сегодня.

– Я на пару часов, отчеты закрыть надо, – лгу я.

На самом деле, дома меня никто не ждет, а свободное время скоротать надо. Лучше поработаю.

– Знаю я твои пару часов, – бубнит ворчливо. – Я там бутербро-

ды принесла и крабовый салат в судочке. Надеюсь, Толик не умял все. Будет тебе чем червячка ночью заморить. А еще мандарины и конфеты. Кстати! Надо «найденых» угостить!

Спохватывается, идет к Кузнецову. Задевает его боком небрежно, а тот подвигается покорно, пропуская ее к шкафу у стены. Марья Тимофеевна открывает створку – и берет с полки пакет. Развернувшись, опускает его на стол рядом с мальчиками, раскрывает.

Пацаны с любопытством подаются вперед и в пакет заглядывают. Мелкий тянет руку, но старший одергивает его. И оба выпрямляются гордо, но исподтишка бросают грустные взгляды на угощение.

Кузнецов как ни в чем не бывало берет конфету из пакета, разворачивает ее при детях, которые чуть ли не слюнки пускают, но тут же получает по рукам от Марьи Тимофеевны.

– Куда? И так здоровый, того и гляди стул сломается под твоим весом, – беспардонно отчитывает его. – Сладости детям, – заботливо подает мальчикам конфеты и мандарины. Из ее рук они все-таки принимают лакомство. – И Никите Сергеевичу, – подмигивает мне. – Ему еще работать, в отличие от некоторых лодырей, – беззлбно хлопает по плечу Толяна.

Кузнецов, едва услышав мое имя, разворачивает голову чуть ли не на сто восемьдесят градусов, как одержимые в фильмах ужасов. И расплывается в улыбке.

– О, Ник! Наконец-то, – подрывается с места.

Не успеваю и глазом моргнуть, как Толян оказывается у двери, полностью одетый. Копперфильд дембельнувшийся!

– Стоять, – рявкаю, когда он в коридор направляется. – Это кто у нас? – киваю на мальчиков.

– Дети, – напарник говорит очевидное. – И они теперь – твои проблемы. Моя смена закончилась несколько часов назад, – издается будто.

– Уйдешь без объяснений, премии лишу, – все-таки не выдерживаю. Работает безотказно: Кузнецов вытягивается по стойке «Смирно». И готов отвечать на мои вопросы. – Родители их где?

– Нет родителей. Дети одни, – рапортует он. – Доставлены в участок... брр... в агентство полтора часа назад, – делает паузу, выды-

хая. — Их бабулька какая-то привела. Говорит, бродили по округе, маму спрашивали.

Хмурюсь и напряженно кошусь на ребят. И где их маманя-кукушка бродит? Оставила в новогоднюю ночь одних. Наверняка деклассированный элемент, а не женщина. Гуляет где-то с их папкой. Или вообще чужим мужиком.

Эх, семейка!

Хотя... выглядят мальчишки ухоженными. Курточки недорогие, но чистые. Ярких цветов: синяя и салатовая. Со светоотражающими элементами. Хвалю. И сомневаться в своих подозрениях начинаю. Может, случилось что с мамой-то?

— А почему к нам, а не в полицию? — возвращаюсь к Толяну. — Участок в десяти минутах отсюда.

— Не поверишь, то же самое бабуле сказал. Спровадить хотел, но едва клюкой по голове не огреб. Говорит, вы хлебный магазин выгнали из здания, агентство свое детективное открыли, вот и работайте, хоть пользу принесете детям. Цитирую дословно: «Нельзя, чтобы малыши провели новогоднюю ночь в обезьяннике с наркоманами, алкоголиками, про... — косится на детей, — ...профурсетками. И пьяными ментами». Ну, отчасти права бабуля.

— Сама она где?

— Так оставила мелких и ушла. Канун нового года же, ну! Кто возиться будет, — разводит руками.

— Ты хочешь сказать, я? — зло свожу брови.

— Да тебе только показания у них выбить, — ляпает он, а я шикаю на него. — Ой, то есть... Ну, поговорить с ними и адрес узнать, — исправляется поспешно. — Потом отвезешь домой. И дело закрыто. Вознаграждение требуй, а то с твоей добротой прогорим тут.

— Ты хоть что-то узнал? — отмахиваюсь и иду к столу, поглядывая на притаившихся мальчиков. Смотрю в записи Кузнецова, а там рисунки одни и закорючки.

— Не успел, — топчется на месте Толян, явно куда-то опаздывая. — Никита, ну я побежал? Супермаркет ближайший закроется скоро. Придется в центр за горошком ехать.

— Что? — встряхиваю головой непонимающе. — За каким горошком?

– Зеленым! Для оливье, – объясняет, как ребенку. С мальчиками лучше бы так разговаривал. – Не привезу – жена из дома выгонит.

– Высокие отношения... – бубню себе под нос.

– Эх, Никита, и тебе жениться давно пора, – вклинивается в разговор Марья Тимофеевна. – Чтобы дома с женой и детьми оливье нарезать в новогоднюю ночь, а не в офисе мерзнуть, – сетует она, собираясь домой.

Тянется за пуховиком, но я приближаюсь и перехватываю его. Придерживаю, помогая Марье Тимофеевне одеться.

– Судя по рассказам Кузнецова, сомнительное счастье, – выдаю с сарказмом. – Вон, из дома выгоняют без горошка.

– Было бы сомнительное, он бы так домой лыжи не наво-стрил, – поднимает палец вверх поучительно.

– Отпусти, а? – умоляюще смотрит на меня напарник. Подума-вав, я киваю и отмахиваюсь обреченно. Что с него взять. Новый год головного мозга. – Спасибо! – перед уходом бросает взгляд на мальчиков. – Все, мальчиши-кибальчиши. Передаю вас майору Морозову.

И скрывается за дверью, на пару секунд впус-тив в помещение зимний воздух и хлопья снега.

– Мороз? – как по команде, мальчики оживают и впи-ваются в меня взглядами. – Дед Мороз?

Встают со своих мест, окружают меня. Прищуриваются, осма-тривают медленно, будто под рентгеном просвечивают.

Второй хлопок двери свидетельствует о том, что и Марья Тимо-феевна оставила меня.

Наедине с двумя маленькими проблемами. Которые ведут себя сейчас... странно.

Их излишний интерес меня напрягает. Я, бездетный холостяк, понятия не имею, как вести себя с мелкими. Ситуация на грани фола.

– Меня зовут Никита, – заставляю себя улыбнуться и сделать шаг к ним. – Приятно познакомиться.

Братья переглядываются многозначительно. И молчат. На мгно-вение кажется, что они умеют обмениваться мыслями.

– Думаех, он плавда Дед Мо'гоз? Настояхий? – шипилявый тол-кает брата.